

7. Деяния Вселенских соборов. — Казань, 1909. — Т. 7 : Собор Никейский 2-й. Вселенский Седьмой. — 336 с.
8. *Дионисий Ареопагит*. Сочинения / [пер. с греч. и вступ. ст. Г.М. Прохорова]. — СПб. : Алетейя, 2002. — 854 с.
9. *Дорофеев Д.Ю.* Место ангелов в христианской картине мира // Книга ангелов : антология / сост., вступ. ст. и примеч. Д.Ю. Дорофеева. — СПб. : Амфора, 2001. — С. 8—25.
10. *Иванов М.С.* Ангелология. Природа ангелов // Православная энциклопедия. — М. : Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2001. — Т. 2. — С. 300—304.
11. Иконография ангельских одежд [Электронный ресурс] // Livejournal. — URL: <http://bizantinum.livejournal.com/96339.html> (дата обращения: 10.07.2015).
12. *Иоанн Дамаскин*. Точное изложение православной веры / Препод. Иоанн Дамаскин. — М. : Изд-во Срет. монастыря, 2003. — 162 с.
13. *Кондеева И.* Архангел Михаил и его цвета [Электронный ресурс] / И. Кондеева. — URL: <http://relegere.diary.ru/p188207017.htm?oam> (дата обращения: 13.07.2015).
14. *Литвинова Л.В.* Иегудиил // Православная энциклопедия. — М. : Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2009. — Т. 21. — С. 188.
15. *Лукашевич А.А.* Григорий // Православная энциклопедия. — М. : Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2006. — Т. 12. — С. 505—506.
16. *Малек Э.* Образы ангелов в древнерусской письменности (ангелы грозные, тихие и милостивые) // Труды Отдела древнерусской литературы / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом). — СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. — Т. 54. — С. 201—210.
17. *Николаев С.И.* К изучению «Великого Зеркала» // Советское славяноведение. — 1988. — № 1. — С. 74—76.
18. *Николаев С.И.* Польско-русские литературные связи XVI—XVIII вв. : библиографические материалы / С.И. Николаев. — СПб. : Нестор-История, 2008. — 248 с.
19. Поиск по базе иллюстраций Большой российской энциклопедии [Электронный ресурс]. — URL: <https://neva.ispras.ru/figmgr/list?num=10&start=2047> (дата обращения: 21.07.2015).
20. *Помазанский М.* Православное догматическое богословие / М. Помазанский. — 2-е изд. — Клин : Христианская жизнь, 2001. — 155 с.
21. *Ромодановская Е.К.* Великое Зерцало // Православная энциклопедия. — М., 2004. — Т. 7. — С. 507—510.
22. Творения иже во святых отца нашего Кирилла, архиепископа Иерусалимского / Кирилл Иерусалимский. — М., 1855. — 402 с.
23. Angels in Medieval Philosophical Inquiry: Their Function and Significance. Isabel Iribarren and Martin Lenz (eds.). — Aldershot : Ashgate, 2008. — 250 p.
24. *Bednarek B.* Aniołowie w «Wielkim zwierciadle przykładów» // Anioł w literaturze i w kulturze / pod red. J. Ługowskiej. — Wrocław, 2006. — Т. 3. — С. 78—96.
25. *Bednarek B.* Diabły w «Wielkim zwierciadle przykładów» // Quaestiones Selectae. Zeszyty Naukowe. — 2011. — № 28. — С. 36—65.
26. *Drival E. van.* L'iconographie des Anges [Электронный ресурс] // Revue de l'art chrétien. — 1866. — Т. X. URL: http://www.voieducoeur.com/anges/traite_iconographie_chretienne.html (дата обращения: 11.07.2015).
27. *Keck D.* Angels and Angelology in the Middle Ages / D. Keck. — New York and Oxford : Oxford University Press, 1998. — 271 p.

ББК 821.161.1.9.-312.6"18/19"
УДК 83.3(2-411.2)53-444.23

КУДРЯШОВА А.А.

СТИЛЕОБРАЗУЮЩИЕ ДОМИНАНТЫ РУССКОЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ XIX—XX ВЕКОВ: МОТИВ БОГООБЩЕНИЯ

Статья посвящена ключевому структурно-семантическому элементу автобиографической прозы XIX—XX вв. Обращение к Богу в семейном укладе рассматривается в автобиографической прозе о детстве как исток становления стиля и духовной позиции авторов. Мотив Богообщения приобретает в сюжете не только типологическую универсальность жанровой черты, но и ярко определяет своеобразие индивидуального стиля каждого из писателей. Мотив Богообщения рассматривается через жанровое соположение документального и художественного.

Ключевые слова: автобиографическая проза, мотив, индивидуальный стиль, реалистический гротеск, сатира, сюжет, ветхозаветная и новозаветная традиции.

История становления жанра автобиографической прозы имеет древнюю традицию. Древнегреческая, римская автобиография и биография, своеобразие «рассказа о себе» в Средневековье, автобиографическое повествование в форме записок XVIII в.

и «псевдодокументальная» (Е. Гинзбург) проза второй половины XIX в., «феноменологическая проза» (Ю. Мальцев) или «роман-сознания» (Е. Созина) XX в. выявляют универсальное для жанра соположение документального и художественного. Процесс беллетризации автобиогра-

фической прозы ко второй половине XIX — первой половине XX в. определил яркое художественное преломление жизненного материала в строе произведений.

Магистральная тема русской автобиографической прозы XIX—XX вв. посвящена становлению личности и тем ключевым ярким моментам детства, переживания и события которых определили мировоззрение и стиль будущих писателей. Пробуждение самосознания и мир первичных впечатлений неразрывно связаны с образом семьи и ее укладом. Иерархию духовных ценностей семьи венчает мотив Богообщения. Образ моления и молитвы в художественном пространстве семьи носит устойчивый сюжетно-композиционный характер.

Жанровая универсальность мотива Богообщения не отменяет, а только резче обозначает стилевые особенности каждого писателя. В трактовке стиля мы опираемся на академическую традицию В. Гумбольдта, А.А. Потебни, П.Н. Сакулина, Ю.И. Минералова. Академик П.Н. Сакулин выделял в понятии стиля понятие «образ идеи» или «внутренняя форма» (здесь и далее курсив автора, кроме особо оговоренных случаев. — А.К.) «Именно то, что у всякого художника для общей всем идеи рождается особый образ, <...> обуславливает возможность функционирования в словесном искусстве «вечных тем», «вечных героев» и т. п., а как итог — возможность сосуществования множества различных художников, каждому из которых присуща своя особая позиция в образном мировидении» [16, с. 17; также см.: 13]. По мнению современного теоретика литературы В.И. Гусева, феномен стиля связан с понятием *художественного характера*, «как минимум — характера “автора”» [6, с. 37], в котором *автор* рассматривается как *художественное явление*, являя в произведении свою *духовную позицию*.

С одной стороны, предметом внимания в статье является мотив Богообщения как стилеобразующая доминанта в русской автобиографической прозе XIX—XX вв. С другой — художественное своеобразие «образа идеи» определяет яркость индивидуального стиля. Ценность подобного ракурса рассмотрения автобиографической прозы заключается в возможности увидеть исток становления духовной мировоззренческой позиции автора. Материалом исследования стали произведения автобиографической прозы Л.Н. Толстого («Детство», 1852); С.Т. Аксакова («Семейная хроника», 1856; «Детские годы Багрова-внука», 1858); М.Е. Салтыкова-Щедрина («Пошехонская старина», 1887); М. Горького («Детство», 1913); И.А. Бунина («Жизнь Арсеньева», 1927—1939); И.С. Шмелева («Лето Господне», 1927—1948).

Классика русской автобиографической прозы неразрывно связана с отечественной культурной традицией.

Почитание семьи в новозаветной догматике определено отношением к ней как к малой церкви. Выражение «семья — малая церковь» восходит к Посланию Апостола Павла к Римлянам, в котором он приветствует супругов Акилу и Прискиллу и «домашнюю их Церковь» (Рим. 16: 3). Также Апостолу принадлежит изречение о сути таинства венчания: «Ни мужь безъ жены, ни жена безъ мужа, въ Господе. Ибо как жена отъ мужа, такъ и муж чрез жену; все же — от Бога» (1Кор. 11: 11—12).

В православной традиции мотив Богообщения является сутью духовных поучений о семье Свт. Феофана Затворника. Святитель указывает целеполагающую идею жизни христианина — «искание прежде Царствия Божия и правды Его» (Мф. 6: 33). Важнейшим моментом в жизни благочестивого семейства была молитва. В наставлении супругам он пишет: «Ревность — дело благодати и свидетельство, что сия благодать неотступно в вас есть и производит благодатную жизнь. <...> Пока есть ревность, присуща и благодать Св. Духа. Она огонь. Огонь поддерживается дровами. Дрова духовные — молитва. <...> обращение ума и сердца к Богу — семя молитвы» [9, с. 13]. Святитель Иоанн Златоуст также наставляет супругов о единодушии в молитве: «Молитвы ваши да будут общими» [7, с. 18].

Особое семантическое звучание мотив Богообщения получает в «мысли семейной» Л.Н. Толстого. Соположение документального и художественного в его автобиографической прозе приобретает особую важность в теории жанра. По мнению В.И. Гусева, у Л.Н. Толстого «есть поразительные отступления от биографического факта — преодоление его, возвышение над ним ради художественных целей. Классический пример — мать Иртеньева в «Детстве»» [6, с. 42]. Согласно биографическим фактам, Л.Н. Толстому не было и двух лет, когда умирает его мать Мария Николаевна Волконская. Правда «художественного вымысла» нарочито определяет художественное пространство повести «Детство», в котором десятилетний герой проживает утрату матери. Особое значение приобретает поэтизация образа матери через устойчивый мотив ангельского: «*образок ангела*», задетый неловким Карлом Ивановичем, слова бабушки «*ангельская доброта*», Мими называет татапа «*этот ангел*», уход матери «тихо, спокойно, точно *ангел небесный*». Первые молитвы и вера героя в Бога также неразрывно связаны с ее образом: «Повторяя молитвы, которые в первый раз лепетали детские уста мои за любимой матерью, *любовь к ней и любовь к Богу* как-то странно сливались в *одно чувство*» [18, с. 82].

Обратим внимание, что впервые образ детской молитвы получает художественное воплощение в главе XV,

Прижизненный портрет-силуэт М.Н. Волконской

название которой повторяет название всей повести «Детство». Глава композиционно представляет собой закольцованную лирическую миниатюру, которая, с одной стороны, ретардирует сюжет перед началом трагического события (пока герой еще гостит в Москве у бабушки), с другой — поэтически воспеваает эпоху Детства. Изначально задается лирико-ностальгическая интонация: «Счастливая, счастливая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат источником лучших наслаждений» [18, с. 82]. Затем звучит тема предчувствия расставания и утраты матери: «Смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будет твоей мамы, ты не забудешь ее? Не забудешь, Николенька?» [18, с. 82].

Финалом миниатюры становится возвышенное моление героя, в котором «диалектика чувств» Николеньки Иртеньева расширяется от конкретных образов до человеческого Всеединства. Вначале сокровенная молитва за родителей («Спаси, господи, папеньку и маменьку»), учителя Карла Ивановича («Дай Бог ему счастья, дай мне возможность помочь ему, облегчить его горе») далее получает максимальный размах: дай «Бог счастья всем» [18, с. 82]. Обратим внимание на важный стилевой нюанс: последующий ассоциативный ряд в молитве ребенка со снижением семантики от бытийного «дай Бог счастья всем» до бытового «хорошая погода для гуляния» не только не теряет своей ценности, а становится своеобразным маркером детской молитвы. Таким же маркером становятся и любимые игрушки: фарфоровый зайчик, собачка. Чистота молитвы и сила веры в прозе Л.Н. Толстого неразрывно связаны с ностальгически невозвратимой эпохой детства: «Где те горячие молитвы? Где лучший дар — те чистые слезы умиления? Прилетал ангел-утешитель, с улыбкой утирал слезы эти и навевал сладкие грезы неиспорченному детскому воображению» [18, с. 83].

Стилевое воплощение мотива Богообщения в прозе Л.Н. Толстого сближается с автобиографическим методом И.А. Бунина в романе «Жизнь Арсеньева». Для Л.Н. Толстого чистота детских переживаний, вера в Бога и смерть матери образуют единое семантическое пространство, где «рождение и смерть» (П.М. Бицилли) неразрывно связаны. В лекциях по русской литературе В.В. Набоков указывал, что «в сущности, Толстого-мыслителя всегда занимали лишь две темы: Жизнь и Смерть» [15, с. 221]. Для И.А. Бунина «с самых первых дней» ощущение Бога также лежит в экзистенциальной плоскости смерти-бессмертия: «Когда и как приобрел я веру в Бога, понятие о Нем, ощущение Его? Думаю, что вместе с понятием о смерти. Соединено с Ним было и бессмертие» [4, с. 24]. Сближение тайны жизни-смерти с ощущением Бога присутствует в мирозерцании Л.Н. Толстого и И.А. Бунина. В романе «Жизнь Арсеньева» мотив Богообщения представлен несколькими образами моления: молитва героя Алеши Арсеньева, семейные традиции и молитва матери.

Рассмотрим мотив Богообщения в молитвах героя, связанных со смертью сестры Нади. Предельность со-

переживания Алеши Арсеньева подчеркнута автором: «Я вдруг понял, что *и я смертен*, что *и со мной* каждую минуту может случиться то *дикое, ужасное*, что случилось с Надей» [4, с. 39]. Личная трагедия смерти («*и я <...> и со мной*»), «урашенная <...>, глубоко опозоренная и оскорбленная душа устремляется за помощью, за спасением к богу» [4, с. 39]. В противоположность автобиографическим героям Николеньке Иртеньеву и Сереже Багрову, их наивности и чистоте детского моления, молитва Алеши Арсеньева представляет собой экзистенциальный опыт взрослеющей души, которой уже знакома трагедия смерти.

«Новый <...> и дивный мир» открывает герой в чтении житий и акафистов. Характерно и романтическое двоемирие обывденного/сказочного, «жизнь дома»/«сказочно-святой мир», где герой отрешается от прозаического и упивается «скорбными радостями, жадной страданий, самоизнурения, самоистязания» [4, с. 40]. Герой не только живет «внутренним созерцанием этих картин и образов», но и пытается подражать житийным образам: долгие коленапреклоненные молитвы, ношение власяницы, «вода и черный хлеб» — все направлено на преодоление смерти. Для стилия И.А. Бунина характерно мифопоэтическое преодоление трагедии смерти: странная зима сменяется весной, переживание собственной смерти и «болезненный восторг» от чтения житий и акафистов заканчиваются — «и все стало потихоньку отходить — как-то само собой» [4, с. 40]. Естественность природного хронотопа получает отражение в чувствах лирического героя. Классический прием психологического параллелизма сближает художественный метод И.А. Бунина и С.Т. Аксакова.

Образ семейных традиций Арсеньевых получает яркое художественное воплощение в описании ключевых праздников Великого Поста. В Прощеное воскресенье «все вдруг делались <...> кроткими, смиренно кланялись друг другу, прося друг у друга прощенья»; в Страстную «все тоже грустили, сугубо постились, говели — даже отец тщетно старался грустить и говеть»; к вечеру Великой субботы «дом наш светился предельной чистотой <...> благостной и счастливой, тихо ждущей в своем благообразии великого Христова праздника». И наконец, в ночь с Субботы на Воскресенье «Христос побеждал смерть и торжествовал над нею» [4, с. 30].

Торжество Пасхальной ночи в стиле И.А. Бунина сближается с аксаковской традицией расширения от семейного камерного пространства до народного, эпического, без противопоставления и снижения семантики. Соборное единение становится сутью Пасхального праздника и проигрывается в самом движении крестного хода: «молодые мужики без шапок и в белых подпоясках», «девки в белых платках» сначала появляются на крыльце, затем вносят иконы в дом, в красный угол. Хорально звучит «Христос Воскресе из мертвых», соборно единение «братски, как равные с равными, целовались со всеми нами» [4, с. 30]. Казалось бы, тайна Пасхальной ночи получает в авторском коммен-

тарию эстетическую оценку «прекрасно», но семантика изменяется междометием «кувы», было и «горестно и жутко». Казалось бы, пасхальное «Смертию смерть поправ» рождает безусловное пространство победы, тем не менее, все связано с церковным, Божественным «и потому опять соединенное с чувством смерти, печали». Подобная амбивалентность свойственна и молитве матери: «с каким *горестным восторгом* молилась в этот угол мать, оставшись одна в зале» [4, с. 40]. Характерно, что стихотворение И.А. Бунина «Мать», написанное в 1893 г., семантически сближается с образом молитвы матери в «Жизни Арсеньева». Современный исследователь С.Н. Колосова при анализе «внутренней формы» поэтического произведения, отмечает, что лирический портрет «в контексте стихотворения превращается в обобщенную философскую картину мироздания, в которой материнское сострадание своему ребенку передано как заступничество Богоматери за весь род человеческий» [10, с. 168].

Классический стиль автобиографической дилогии С.Т. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» также раскрывает устойчивый и разнобразный образ Богообщения: детская молитва Сережи Багрова, молитва матери Софьи Николаевны, соборная молитва семьи. Однако все образы молитвы и молитвы объединены и соположены христианской традиции таинства: от нестроения к устроению. Сюжетный уровень отражает подобную динамику: неясность, безвыходность ситуации чудесным образом исчезает.

Рассмотрим первый эпизод молитвы в третьем отрывке «Семейной хроники», который носит название «Женитьба молодого Багрова». В ней повествуется об истории жизни будущей невесты Алексея Степановича Багрова, внимание читателя акцентируется на ключевом событии в жизни Софьи Николаевны. Автор создает универсальный сюжет взаимоотношений мачехи и падчерицы, которая осталась сиротой двенадцати лет, однако конфликт драматизируется «неуступчивостью нрава» и дерзостью сироты и приводит к желанию девочки покончить с нестерпимостью такой жизни. Портрет девочки в каморке на чердаке перед образом Смоленской Матери Божией, «которым благословила ее умирающая мать» [2, с. 141], передает отчаянную ситуацию фабульного эпизода. Слова акафиста (от греч. — «*неседальное пение*») Пресвятой Богородице в честь иконы Ея Смоленская при всей своей универсальности передают и конкретную ситуацию героини: «Ты же всемиловитая наша Заступнице, от всяких нас бед и скорбных обстояний свободдай и к царствию горнему путеводствуй, да зовем Ти: Радуйся, Богородице Одигитрие, христиан упование» [1, с. 236]. Слова кондака 1 ярко демонстрируют путь от нестроения к миру, упование на путь (Одигитрия — греч. «*Путеводительница*»). Мотив надежды сироты Сонечки повторяют слова Акафиста: «Радуйся, сирот призрение» (Икос 6), «Радуйся, благосердая Попечительнице сирот» (Икос 10). Началом чудесного Заступничества становит-

ся образ свечи, которая теплится, «хотя была потушена ею накануне» [2, с. 141]. Так источник света, свеча, и освещаемый образ иконы воплощают мотив Чудесного Присутствия — в Акафисте Богородица именуется также: «свеще неугасимая» (Икос 4). Именно так чувствует девочка чудо всемогущества Божьего, после которого она «ободрилась, почувствовала неизвестные ей до тех пор спокойствие и силу и твердо решила страдать, терпеть и жить» [2, с. 141].

Следующий эпизод портретирует соборное обращение к Богу в семейном молебне Матери Божией Иверской. Потеря первого ребенка едва не стоила жизни Софье Николаевне, ее желание «помолиться и приложиться к этой иконе» дает уверенность болящей, что «конечно, мать Божия ее бы помиловала» [2, с. 260]. Картина молитвы передает соборное единение семьи как Малой Церкви в единой молитве «о спасении и здравии больной». Слова молебного канона «Призри благосердием, всепетая Богородице, на мое лютое телесе озлобление» семантически объединяют пространство картины: все присутствующие упали на колени, все плакали, Алексей Степанович «на-взрыд», больная — «умилёнными слезами». Движение от нестроения к спасению четко прослеживается в семантике глаголов: «больная *плакала* <...> *приложилась* к <...> иконе и *почувствовала* такое облегчение, что *могла* выпить воды, а потом стала принимать лекарство и пищу» [2, с. 260].

Другой образ молитвы ребенка находит воплощение в фабульном эпизоде чтения Псалтыри Сережей по усопшему дедушке. Непонимание происходящего, одиночество, страх смерти преодолеваются в детской молитве: «Заставив меня наперед помолиться Богу, Мысеич подставил мне низенькую дедушкину скамеечку, и я, стоя, принялся читать <...> Какое-то волнение стесняло мою грудь <...>; но я скоро оправился и почувствовал неизъяснимое удовольствие» [2, с. 425]. Динамика чувственного восприятия ребенка также передается через семантику глаголов: «*помолился* перед образом, *посмотрел* на дедушкину кровать, <...> *вспомнил* все прошедшее и *грустно вышел* из комнаты» [2, с. 425].

Стилевое своеобразие «Пошехонской старины» М.Е. Салтыкова-Щедрина связано с сатирой и реалистическим гротеском [подробнее см.: 12]. Нарушение общепринятых правил, аномалия нарочито проигрываются и в создании семейных религиозных устоев. Внешняя обрядовая сторона соблюдалась неукоснительно, однако внутреннее наполнение, необходимая чувственно-эмоциональная часть молитвы отсутствовала. Автор пишет: «Религиозный элемент тоже сведен был на степень простой обрядности. Ходили к обедне аккуратно каждое воскресенье, а накануне больших праздников служили в доме всенощные и молебны с водосвятием, причем строго следили, чтобы дети усердно крестились и клали земные поклоны. <...> Но во всем этом царствовала полная машинальность, и не чувствовалось ничего, что напоминало бы возглас: «Горе имеем сердца!» [17, с. 47].

Отец Василий Порфирыч *«слывет* набожным человеком, заправляет всеми церковными службами, *знает*, когда нужно класть земные поклоны и *умиляться сердцем*», и вместе с тем, пишет автор, «помню, что нередко, во время чтения Евангелия, отец через всю церковь поправлял ошибки. Помню также ежегодно повторявшийся скандал на вечерне Светлого праздника. Поп порывался затворить царские врата, а отец не допускал его, так что дело доходило между ними до борьбы. А по окончании службы поп выходил на амвон, становился на колени и кланялся отцу в ноги, прося прощения» [17, с. 47].

В противоположность С.Т. Аксакову, мотив Богообщения как таинства обращения к Богу у М.Е. Салтыкова-Щедрина отсутствует. Ссора, распря, ключевое обиходное «гневаться» продолжают оставаться без изменения и после моления. Сатирический оттенок приобретает эпизод спора «в преображенев день (наш престольный праздник)», по поводу слов тропаря: *«Показавый учеником своим славу твою, яко же можаху»*. Спорили о том, что такое «жеможаха»? «Сияние, что ли, особенное? <...> однажды помещица-соседка, из самых почетных в уезде, интересовалась узнать: что это за “жезаны” такие?» [17, с. 48]. Отец замечает: «Как же вы, сударыня, богу молитесь, а не понимаете, что тут не одно, а три слова: же, за, ны... “за нас” то есть...» Помещица на это замечание развязно отвечала: «Толкуй, троеслов! Еще неизвестно, чья молитва богу угоднее. Я вот и одним словом молюсь, а моя молитва доходит, а ты и тремя словами молишься, ан бог-то тебя не слышит, и проч., и проч.» [17, с. 49]. Нарушение традиционного «домашнего обихода», пишет автор, происходило раз в год на Пасху: «Только в Светлый праздник дом своей тишиной несколько напоминал об умиротворении и умилении сердец...» [17, с. 49].

В «Пошехонской старине» ярким контрастом домашнему обиходу становится личное открытие героем Бога. Весенними великопостными днями 1834 г., когда М.Е. Салтыкову-Щедрину было восемь лет, он читает Евангелие. Это чтение впервые дает ребенку ощущение рождения человеческого образа там, «где по общепринятому убеждению может существовать только поруганный образ раба». По свидетельству автора, Евангелие сформировало «весь дальнейший склад моего мирозерцания» [17, с. 98].

Обратимся к стилевому своеобразию мотива Богообщения в повести «Детство» М. Горького, которое связано с двумя традициями: новозаветной заповеди любви и ветхозаветного исполнения закона. «Бог бабушки, такой милый друг всему живому» [5, с. 89] и деда — «Всяк, нарушающий непослушанием законы Божии, наказан будет горем и погибелью!» [5, с. 87]. Дед *«всегда и прежде всего подчеркивал <...> жестокость: вот согрешили люди и потоплены, еще согрешили и сожжены...»* [5, с. 86]. Ветхозаветная традиция свойственна и молению деда: «Позднее, бывая в синагогах, я понял, что дед молился, как еврей» [5, с. 85]. Интересное объяснение находит современный исследователь Тол-

ковой Палеи Е.Н. Борюшкина: диалогичность Ветхого и Нового Заветов, «прообразовательный, символический смысл Ветхого Завета по отношению к Новому Завету заключался в следующем. Иудею в экспрессивной форме рассказывалось о том, какие чудовищные беззакония совершил его народ, о том, что каждый иудей расплачивается за них... Ветхий Завет юридичен <...> награда исполнившему весь закон во всей его... неуклонной точности — присуждалась Богом не по милости, а по долгу» [3, с. 53]. В противоположность новозаветному «Милости хочу, а не жертвы» (Мт. 9: 13). Обратим внимание: «грех» и «беззаконие» — два понятия, также относящиеся к разным культурам: «беззаконие — это понятие, в первую очередь, иудейской культуры, тогда как грех... христианское понятие» [3, с. 53].

Образ моления бабушки получает идеальную степень оценки. Ее молитва есть свободный, творческий, радостный диалог, преображающий не только внутреннее состояние героини, но и внешнее: она «каждое утро находила новые слова хвалы», «с улыбкой в темных глазах и как будто *помолодевшая*», «... всегда ее молитва была акафистом, хвалою *искренней и простодушной*» [5, с. 82]. Эпитеты «искренняя» и «простодушная», а также сам образ бабушки — «как будто помолодевшая» — ассоциативно отсылают читателя к Евангельскому завету «Будьте как дети». Каноническое, по правилам, моление деда («крестится часто, судорожно, кивает головой, точно бодаясь, голос его взвизгивает и всхлипывает» [5, с. 85]) травестируется. Бабушка и Алеша смеются над дедом. Алеша знает все молитвы утренние и на сон грядущий наизусть ждет в напряженном злорадном внимании: «Не ошибется ли дед, не пропустит ли хоть одно слово?» [5, с. 86]. Бабушка говорит ему: «А скушно, поди-ка, богу-то слушать моление твое, отец, — всегда ты твердишь одно да все то же» [5, с. 86].

Особое значение оценка моления бабушки и деда получает в формировании личности писателя: «Дедов бог вызывал у меня страх и неприязнь: он не любил никого, следил за всем строгим оком, он, прежде всего, искал и видел в человеке дурное, злое, грешное» [5, с. 89]; бог бабушки «был самым лучшим и светлым из всего, что окружало меня» [5, с. 89]. В повести «В людях» особенно ярко запоминается автору эпизод «Тихой милостыни». Житийная традиция творимой бабушкой и внуком «тихой милостыни» семантически возвышает эпизод: «Охо-хо, Олеша, бедно живет народ, и никому нет о нем заботы! <...> Я рада, что ты опять со мной... — Я тоже спокойно рад, смутно чувствуя, что приобщился чему-то, о чем не забуду никогда» [5, с. 226].

В противоположность сатире и травестированию в стиле М. Горького, иное соположение новозаветной и ветхозаветной традиции находим в автобиографическом романе «Лето Господне» И.С. Шмелева. Наиболее ярко такое соположение отражено в главе «Круг царя Соломона» в первой части романа «Праздники». Фабульный эпизод подчеркивает особое время и пространство Святков, когда,

по словам Горкина, «нонче Христос родился, и вся нечистая сила хвост поджала» [19, с. 122]. В такое время даже гадание не только «не грех», но и «дело священное». Главный образ в гадании — царь Соломон, к нему и обращаются за предсказанием. Ветхозаветный царь Соломон Премудрый, по словам главного православного наставника Горкина, «не обманет, а скажет в самый раз» [19, с. 122]. С лирическим юмором описывает автор диалог Антипушки с Горкиным:

«— Погоди, Панкратыч, — говорит Антипушка, тыча в царя Соломона пальцем.

— Это будет царь Соломон, чисто месяц?

— Самый он, священный. Мудрец из мудрецов.

— Православный, значит... русский будет? — А то как же... Самый православный, святой. Называется царь Соломон Премудрый. В церкви читают — Соломоново чтение!» [19, с. 122—123].

Ассоциативный ряд православный — русский — святой — царь Соломон, являясь оксюмороном, вместе с тем по-детски «лирически-юмористически» утверждает идею всепобеждающей любви Рождества Христова, в которой органично и не конфликтно сочетаются мифопоэтика гадания и ветхозаветный царь Соломон — «самый православный святой» [19, с. 122].

Художественная «картина мира» и весь образный ряд героев романа (Горкин, Ваня, отец) неразрывно связаны с православным мироощущением. Говоря о многообразии жанровых форм романа «Лето Господне», одной из основных является отсылка исследователей к церковному календарю, прочитанному глазами ребенка. Уже в одном этом сказывается оригинальность творческого замысла писателя. Другим важным компонентом стиля становится изначально заданный вектор повествования в феномене «первичного события» [подробнее см.: 11, 14], которое также связано с православной традицией (ребенок пробуждается в особый день начала Великого Поста — Чистый понедельник). В этом соположено «я» ребенка и тайна Божественного мира: «чувствуется мне в этом великая тайна — БОГ» [19, с. 18]. Названия частей — «Праздники», «Радости», «Скорби» — напоминают о постоянном присутствии Бога в жизни человека.

В «Переписке двух Иванов» И.А. Ильин пишет в письме от 23.11.1946 г.: «Первая часть есть художественное созерцание религиозного бытия России, скрытого за повседневным бытием» [8, с. 506].

Мотив Богообщения в семейной традиции является устойчивым структурно-семантическим элементом и стилеобразующей доминантой в русской автобиографической прозе. Универсальность обращения к Богу в семейной традиции получает у каждого автора свой «образ идеи». Образ моления и молитвы маркирует не только исток становления личности писателей, но и духовное устройство семейного мира. Молитва и семейный уклад взаимообусловлены, нестроение в молитве (М.Е. Салтыков-Щедрин, М. Горький) соположено нестроению в семье и, напротив, благоговение, искренность моле-

ния (С.Т. Аксаков, И.С. Шмелев) определяют гармонию в семейном устройении. В ином ракурсе раскрывается мотив Богообщения в стиле Л.Н. Толстого и И.А. Бунина. Автобиографический факт смерти матери определяет ностальгическое воспевание ее образа и невозвратимую эпоху детства у Л.Н. Толстого. Таким же пафосом окрашен и мотив Богообщения Николеньки Иртеньева. Стилевое сближение двух художников определяется экзистенциальным отношением и близостью в чувствовании «жизни-смерти». Детализированное описание И.А. Бунинным семейных праздников в православной традиции ярко демонстрирует амбивалентность как стилевую доминанту писателя в противоположность С.Т. Аксакову, где амбивалентность отсутствует. Классический стиль С.Т. Аксакова наиболее близок православному мироощущению таинства Богообщения: от нестроения к гармонии. Подобное отношение свойственно и художнику XX в. И.С. Шмелеву, в романе которого мотив Богообщения выполняет функцию сюжетосложения.

Образ моления у М.Е. Салтыкова-Щедрина в описании «жизненного обихода» семейства Затрапезных окрашен реалистическим гротеском с нарочитым трагестированием и сатирой. Для индивидуального стиля М. Горького также характерны сатира и трагестивы в создании образа моления деда. Семантически значимым для становления личности автора является контрастное оценочное соположение ветхозаветной и новозаветной традиций в ключевых образах деда и бабушки.

Ключевая черта стилевого своеобразия мотива Богообщения заключается в духовной позиции авторов, их мироощущении *теоцентризма* или *антропоцентризма*, которое и определяет выбор художественных средств выражения.

Список источников

1. Акафистник. — М. : Сретенский монастырь, 2002. — 768 с.
2. Аксаков С.Т. Собрание сочинений : в 4 т. / С.Т. Аксаков. — М. : Гослитиздат, 1955. — Т. 1. — 639 с.
3. Борюшкина Е.Н. «Грех» и «Беззаконие» в Толковой Палее // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2013. — № 4 (54). — С. 49—54.
4. Бунин И.А. Собрание сочинений : в 6 т. / И.А. Бунин. — М. : Художественная литература, 1988. — Т. 5. — 639 с.
5. Горький М. Собрание сочинений : в 30 т. / М. Горький. — М. : Гос. изд-во худож. лит., 1951. — Т. 1. — 511 с.
6. Гусев В.И. Искусство прозы. Статьи о главном / В.И. Гусев ; Лит. ин-т им. А.М. Горького. — М., 1999. — 157 с.
7. Да прилепится муж к жене своей. Святитель Иоанн Златоуст о том, какой должна быть православная семья / Свт. Иоанн Златоуст. — М. : Домострой, 2009. — 32 с.
8. Ильин И.А. Собрание сочинений : в 10 т. / И.А. Ильин. — М. : Рус. кн., 2000. — Т. 3. Переписка двух Иванов. — 560 с.
9. Как сохранить благочестие в семейной жизни. По трудам святителя Феофана Затворника. — СПб. : Держава, 2005. — 61 с.
10. Колосова С.Н. Портрет в русской лирической поэзии : монография / С.Н. Колосова. — М. : Литера, 2011. — 280 с.

11. Кудряшова А.А. Первичное событие в теории автобиографической прозы : монография / А.А. Кудряшова. — Ярославль : ИПК Литера, 2013. — 132 с.
12. Кудряшова А.А. Стилистическое своеобразие автобиографической прозы М.Е. Салтыкова-Щедрина: пространство Дома // Обсерватория культуры. — 2013. — № 4. — С. 116—122.
13. Минералов Ю.И. Теория художественной словесности / Ю.И. Минералов. — М. : Владос, 1999. — 358 с.
14. Минералова И.Г. «Первичное событие» в автобиографической прозе о детстве // Мировая словесность для детей и о детях. — М., 2012. — Вып. 16. — С. 91—99.
15. Набоков В.В. Лекции по русской литературе / В.В. Набоков ; пер. с англ., предисл. И. Толстого. — М. : Независимая газета, 1996. — 440 с.
16. Сакулин П.Н. Теория литературных стилей / П.Н. Сакулин. — М. : Гос. акад. худож. наук, 1928. — 205 с.
17. Салтыков-Щедрин М.Е. Полное собрание сочинений : в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. — Л. : Худож. лит., 1934. — Т. 17. — 473 с.
18. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 12 т. / Л.Н. Толстой. — М. : Правда, 1984. — Т. 1. — 574 с.
19. Шмелев И.С. Собрание сочинений : в 5 т. / И.С. Шмелев. — М. : Рус. кн., 2001. — Т. 4. — 560 с.

УДК 028(571.52)
ББК 78.303(2Рос.Тув)

ПОДИК И.В.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ЧТЕНИЯ ТУВИНСКОГО ЧИТАТЕЛЯ

В статье рассматриваются этнокультурные особенности мотивации чтения как системообразующего понятия библиотековедения на примере читательских потребностей населения Республики Тыва. Раскрывается взаимосвязь мотивов чтения и политической, социально-культурной ситуации в регионе. Представлены результаты исследования автором мотивов чтения населения и их зависимости от ценностей и норм, действующих в тувинском обществе. Определено, что чтение в этнической среде является обязательным компонентом национальной культуры этноса.

Ключевые слова: мотивация чтения, мотивирующий фактор, стимул, потребность, интересы, этнокультурные особенности чтения.

Чтение как важный процесс культурной деятельности является обязательной частью образования и самообразования, воспитания и просвещения граждан, стимулирует их участие в культурной жизни страны, оказывает влияние на формирование информационного общества. Чтение в исторически сложившихся регионах многонациональной России имеет свои этнокультурные особенности.

Исследование этих особенностей чтения и читателя предполагает выявление мотивации чтения, читательских потребностей и интересов, определение влияния культурных факторов, психологических характеристик, среды обитания, духовно-нравственных ценностей общества на формирование и развитие чтения этноса.

Философский словарь рассматривает *мотив* как «движущую силу, повод, побудительную причину. Мотив — это внутренние (личностные) факторы побуждения человека к каким-либо действиям, но не само действие» [9, с. 277]. К мотивирующим факторам относятся *стимулы, потребности, интересы*.

Под стимулом чтения будем понимать побуждение к чтению человека или группы людей, в том числе под воздействием внешних факторов, определяющих цели процесса. Побуждающий эффект стимула срабатывает только тогда, когда отвечает потребностям и интересам отдельного читателя или определенной читательской группы. Например: стремление к сохранению культурной идентичности является стимулом к чтению национальной и краеведческой литературы. Освоение профессии стимулирует чтение экономической, общественно-политической, научно-технической литературы и т. д.

Стимулирующие факторы определяются внешней средой (социально-культурной, геополитической, экономической и иной) и могут способствовать или препятствовать чтению.

Мотив чтения — это внутренняя причина, побуждающая к чтению, которая связана с потребностями и интересами каждого читателя и является реакцией на стимул. Мотивы побуждают, направляют и порождают читательскую деятельность, приводят к образованию